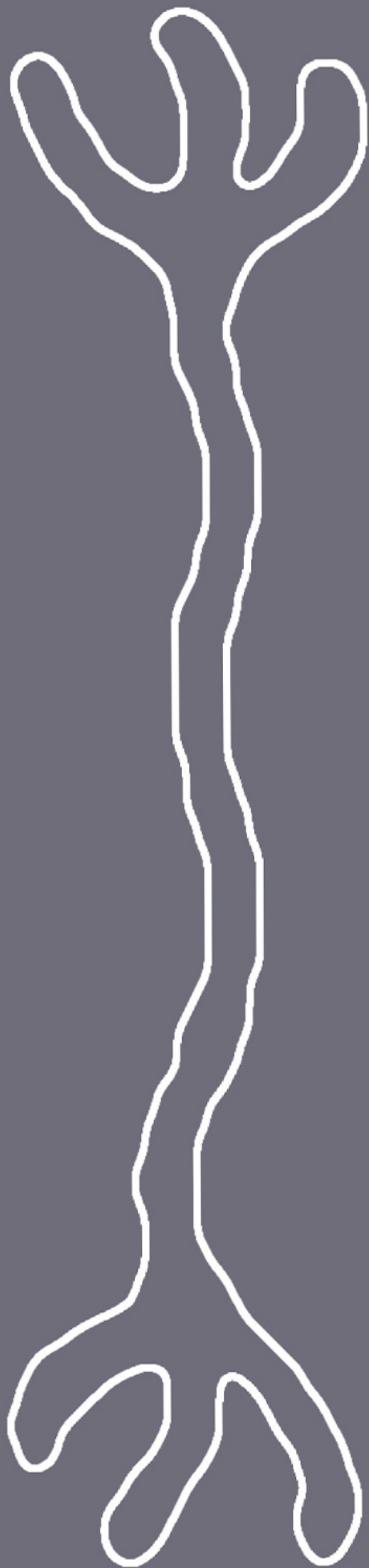

* Торговля живым товаром велась через узкую дверцу невольничьего судна, извилистый путь которого напоминает след каравана, ползущего по пустыне. Приблизительно его можно изобразить так:

Поэтика

Отношения

Эдуар
Глиссан

Ad Marginem

Эдуард Глиссан

Поэтика Отношения. Поэтика III

«Ад Маргинем Пресс»

1990

УДК 130.2+326
ББК 66.3(4)/66.3(8)

Глиссан Э.

Поэтика Отношения. Поэтика III / Э. Глиссан — «Ад Маргинем Пресс», 1990

ISBN 978-5-91103-830-4

Мартиниканский писатель и общественный деятель Эдуар Глиссан (1928–2011) получил широкое международное признание как один из основоположников постколониальной мысли. Его обширное наследие составляют стихи, романы, эссе, журнальные статьи и публичные выступления в качестве многолетнего сотрудника ЮНЕСКО. Протеический корпус текстов Глиссана пронизывают несколько сквозных тем: креолизация – взаимообогащающее, пусть и не бесконфликтное, смешение языков и культур; преодоление дилеммы универсальности и своеобразия в подвижной перспективе Все-Мира; бесконечное странствие как путь поэтической и политической самореализации человека. Всё это сходится в понятии Отношения – нестойкой, всякий раз изобретаемой заново связи, которая играет в философии Глиссана роль движущей силы бытия. Тексты этого сборника – первой книги автора в русском переводе – просвечивают кристалл Отношения, показывая его разные грани: утраты и обретения, раны и слияния, сомнения и открытия. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 130.2+326
ББК 66.3(4)/66.3(8)

ISBN 978-5-91103-830-4

© Глиссан Э., 1990
© Ад Маргинем Пресс, 1990

Содержание

Право на Отношение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эдуар Глиссан
Поэтика Отношения
Поэтика III

© Éditions Gallimard, Paris, 1990

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2025

Перевод: Ольга Акимова

Право на Отношение

Очерк жизни и творчества Эдуара Глиссана

На первых кадрах документального фильма, посвященного Эдуару Глиссану, – спокойные воды Атлантического океана. Картина «Один мир в Отношении» (*Édouard Glissant: One World in Relation*) вышла на большой экран в 2010 году, незадолго до смерти писателя. Как вспоминал ее режиссер Мантия Диавара, сам Глиссан в диалоге с ним отчасти в шутку заметил, что лучшим решением для фильма стала бы просто статичная съемка океана во время штиля. На протяжении всего просмотра, вне зависимости от того что происходит на экране, зрителя сопровождает мерный шум волн, выступая связующим звеном и метафорой Отношения.

Ее волос ночные звуки – это цепи
Ее обескровленные руки – это руки изнемогших
Ее тело несет весь груз времен, перемешанный с кровью
Ее глаза отражают мертвых, давно позабытых
Движения девушек, огнем поглощаемых
Прекрасная красота этого мира – здесь лежит твой посиневший
труп

Эдуар Глиссан. Рубец (Plaie), 1960

Сборникам эссе, художественным романам и программным выступлениям Глиссана посвящены тысячи страниц исследований. Не стоит, впрочем, забывать, что в первую очередь мы имеем дело с поэтом, чьи философские концепции – мозаика, фрагменты которой разбросаны по книгам, спрятаны в портретах, пейзажах, интерпретациях литературных произведений, юношеских воспоминаниях. Письмо Глиссана не только выражает философию автора, но и само по себе является ее воплощением.

Писатель родился с именем Матьё Эдуар Годар в 1928 году в городе Сент-Мари на севере Мартиники, расположенном между океаном и Региональным природным парком. Вскоре семья переехала в Ле-Ламантен, промышленный центр острова, где маленький Матьё пошел в школу. Воспоминаниями об этом периоде жизни богата одна из последних его книг «Бухта Ле-Ламантена» (*Poétique V. La Cohée du Lamentin*, 2005). Примечательно, впрочем, что островная природа, пляжи, водная гладь и подводная бездна занимают в структуре образов Глиссана гораздо более важное место, чем индустриальный город, где прошло его детство; мегаполисы, в суете которых теряется сосредоточенность Отношения, не представляли для него столь глубокого интереса. Равно как и образ семьи – что может быть связано с личной травмой: отец изъявил желание впервые познакомиться с сыном лишь в 1938 году, когда тот сдал экзамены в престижный лицей Шельшера в Фор-де-Франсе, столице Мартиники. Будучи официально признанным сыном своего отца, мальчик получил право пользоваться его фамилией. Так Матьё Годар стал Эдуаром Глиссаном.

Уже в возрасте пятнадцати лет он составляет свой первый альманах «Каравеллы» (*Caravelles*, 1943; один номер), за которым следует самиздатский журнал «Честная игра» (*Franc-Jeu*, 1943–1946; четыре номера). Несмотря на порядки Третьей республики, в том числе запрещающие детям общаться в школе на креольском языке, и на строгость военного режима маршала Петена, мартиниканцы во время войны имели возможность открыто выражать левые взгляды. Встречи с Эме Сезером (инициировавшим издание влиятельного журнала «Тропики» (*Tropiques*) немногим ранее – в 1941 году), кубинским художником-авангардистом

Вифредо Ламом, гаитянским писателем-коммунистом Рене Депестром и лидером французских сюрреалистов Андре Бретоном сыграли не последнюю роль в формировании стилистики и эстетики авторов «Честной игры». Пятнадцать лет спустя Глиссан так описывал этот период в интервью Жану Бувье: «Я был воинственным юношей, провозглашавшим горячие идеи, живущим политикой, поэзией и литературой».

Среди молодых соавторов Глиссана были его школьные друзья Морис Аликер, Приска Жан-Мари и Лоран Ортоле. Именно им будет посвящена первая книга из цикла «Поэтика» – «Солнце сознания» (*Poétique I. Soleil de la conscience*, 1956). Экспериментальная поэзия, насыщенная сюрреалистическими образами, перемежалась в «Честной игре» статьями, поддерживающими независимость острова, и философскими эссе. Не вдохновила ли структура журнала личный стиль Глиссана, сочетающий богатую поэтическую образность с концепциями мировосприятия и идеями постколониализма?

Франц Фанон в своем труде «Черная кожа, белые маски» (*Peau noire, masques blancs*, 1952) описывает начало жизненного пути образованного молодого человека с Мартиники так: «Сначала <...> из Басс-Пуанта, Мариго, Гро-Морна он отправляется в величественный, во всем от них отличный Фор-де-Франс. А затем – и это переломный момент – за пределы острова». Повторил этот путь и Глиссан, в 1946 году уехавший в Париж изучать философию и этнологию в Сорбонне. Там под научным руководством Жана Валя он защитил диплом на тему «Открытие и концепция мира в современной поэзии» (*Découverte et conception du monde dans la poésie contemporaine*, 1953). Анализируя стихотворения Пьера Реверди, Рене Шара и Поля Клоделя, Глиссан, помимо прочего, пришел к выводу, что «поэзия никогда не оставляла амбиций установить связь между человеком и миром, однако тенденция, доминирующая в современной мысли, естественным образом находит и иную амбицию, несколько отступающую от предыдущего направления развития, а именно – сделать поэзию средством познания». Таким образом, уже в двадцать пять лет писатель обозначил основные контуры проблематики, которой ему суждено было заниматься до самой смерти.

Защитив диплом и вернувшись на Мартинику, Глиссан активно включается в литературную жизнь острова, параллельно поддерживая общение с поэтами и писателями, живущими как непосредственно во Франции (в числе прочих, Жаком Шарпье и Морисом Рошем), так и на заморских территориях (например, алжирцем Катемом Ясином). В 1950-х годах он публикуется в таких журналах, как «Новая словесность» (*Les Lettres nouvelles*) и «Африканское присутствие» (*Présence africaine*), а также принимает участие в политических инициативах, в частности входит в исполнительный комитет «Общества африканской культуры».

В 1956 году выходят в свет две его крупные работы: «Солнце сознания» и поэма в прозе «Индии» (*Les Indes*). В короткий срок Глиссан становится одним из ведущих франкоязычных авторов, сосредоточенных на взаимодополняющей и взаимозависимой связи между колонизатором, колонизованным, колонией и метрополией, имевшей место в землях, которые еще не обрели полной независимости (та же Мартиника, лишь в 1946 году получившая статус заморского департамента Франции, до сих пор остается ультрапериферийным регионом Европейского Союза). Он становится ярким и трагическим – пусть и столь спокойным – голосом Антиль.

Не отклонились ли мы по течению реки ваших слез – туда? Вас увозят с Востока на Запад – в какую из Индий, вы знаете? Окровавленные, обнаженные – кровь кипит, нагота лишает рассудка; в то время как море хранит тишину.

Эдуар Глиссан. Индии

Что же такое постколониализм?

В первую очередь это рассмотрение взаимоотношений колонии и империи в различных аспектах: расовом, этническом, культурном, языковом, географическом, политическом, эко-

логическом, историческом, правовом... Столь широкий диапазон анализируемых проблем, впрочем, неминуемо приводит к «противоречивым интерпретациям того, что на самом деле представляет собой постколониализм и чего он, наоборот, собой не представляет», на которые еще в 1990-е годы обратила внимание Ева Дэриан-Смит. По ее наблюдениям, уже тогда представители постколониальной мысли разделились на два крупных лагеря. Одни воспринимали эту мысль как «символическое освобождение и эмансипацию новых наций вне зависимости от степени их вовлеченности в институты и процедуры, установленные западными странами <...>, а также от участия в международных организациях» (например, ООН). Другая группа ученых (неомарксистского толка) использовала постколониальную риторику, скорее, для указания на «продолжающееся и иногда неочевидное подавление Западом всего остального мира». В определенном смысле идеи этой группы были поддержаны возникшим в начале 2000-х направлением деколониальной мысли, связанным прежде всего с именем перуанского социолога Анибала Кихано и заявляющим необходимость «разорвать связи» колонизированных народов с «колониальной системой власти и мышления» (по мнению Вальтера Миньоло, идеальным выражением такого «разрыва связи» является интеллектуальная дискуссия, в которой не упомянут «ни один классический западный или современный европейский философ»). Впрочем, несмотря на стремление деколониалистов отмежеваться от предшествующей постколониальной теории, многие развиваемые ими концепции были выражены ранее в трудах, считающихся классикой постколониализма, – не в последнюю очередь в «Европоцентризме» Самира Амина (*Eurocentrism*, 1988).

Таким образом, приходится констатировать, что проблема однозначного определения самого понятия, отмеченная Дэриан-Смит, за последние десятилетия никуда не исчезла. И сегодня мы можем найти множество трактовок «постколониальной теории», так или иначе описывающих вышеупомянутые аспекты процесса перехода (политической) нации от зависимого, подчиненного положения к независимому, самостоятельному. Но нечеткий характер термина не стоит воспринимать как его недостаток: напротив, его флюидность как нельзя больше соответствует сложности и неоднородности самого процесса этого перехода.

Крайне трудно установить, кто из исследователей первым ввел в употребление само понятие «постколониализм»; этот вопрос потребовал бы отдельного рассмотрения. Однако большинство ученых сходятся во мнении, что в активный оборот оно вошло в 1980-е годы, после публикации книги Эдварда Саида «Ориентализм» (*Orientalism*, 1978). По утверждению Ашиля Мбембе, работа Саида – образец деконструкции «колониального нарратива – мысленной схемы, системы представлений и символических форм, обслуживающих инфраструктуру империалистического проекта», и, будучи таковым, она поспособствовала «обнажению возможностей исторической фальсификации, находящихся в распоряжении этого нарратива, – набора функциональных выдумок и неправд, без которых колониализм как историческая модель власти не смог бы состояться». «Ориентализм» дал толчок формированию постколониальных исследований как университетской дисциплины, которая, начав рассматривать труды, посвященные схожей тематике, в сравнительном ключе, в свою очередь, обратила более пристальное внимание академической публики на работы франкоязычных авторов из различных регионов Африки и Карибских островов, тем самым записав их «задним числом» в теоретики постколониализма. Приведем цитаты некоторых из них:

Говоря о том, что именно предки чернокожих, живущих сегодня прежде всего в черной Африке, заложили основы математики, астрономии, науки в целом, искусств, религий, земледелия, медицины, техники, архитектуры, разработали календарь, систему социального устройства, породили множество литературных произведений <...>, мы лишь скромно констатируем чистую правду, которую сегодня никто не может опровергнуть достойными аргументами. Определение места чернокожих должно восстановить преемственность, восстановить ход их национальной истории, принести моральные выгоды, вернуть их в современный

мир, но нам нельзя впадать в «нацизм наоборот», поскольку цивилизация, раз уж она ставит перед собой цель способствовать созданию рода человеческого (и человеческого – ни больше ни меньше), если только мы вообще можем говорить о роде, должна стоять на фундаменте столь же надежном, сколь и исключительном.

Шейх Анта Диоп. Среди чернокожих народов, внутри чернокожей культуры (*Dans nations nègres et culture*), 1954

Восстание – единственный выход из колониальной ситуации, который не будет оптической иллюзией; и колонизованный рано или поздно осознает это. Его условия абсолютны, и они требуют абсолютного решения – бескомпромиссного разрыва всяких связей.

Альбер Мемми. Портрет колонизованного на фоне портрета колонизатора (*Portrait du colonisé, précédé du portrait du colonisateur*), 1957

Действительно, стоит провести клиническое исследование – максимально подробное – шагов, предпринятых Гитлером и гитлеризмом, чтобы продемонстрировать самому утонченному, самому гуманному, самому богобоязненному буржуа XX века, что, сам того не подозревая, он лелеет в своей груди Гитлера, что Гитлер *живет в нем*, что Гитлер – его *демон*, что, выступая против Гитлера, он действует непоследовательно и что в глубине души он не может простить Гитлера не столько за совершенные им *преступления*, не столько за *преступления против человека*, не столько за *унижение человека как такового*, сколько за то, что эти преступления были совершены против белого человека, что унижен был именно белый человек, – за то, что Гитлер применил по отношению к европейцам те же колониальные методы, которые до того предназначались исключительно алжирским арабам, индийским кули и африканским чернокожим.

Эме Сезер. Речь о колониализме (*Discours sur le colonialisme*), 1950

Давайте не будем платить дань Европе, создавая государства, институты и общества, вдохновленные ей.

Человечество ждет от нас чего-то иного, чем всего лишь карикатурную имитацию или грубую пародию.

Если мы хотим превратить Африку в новую Европу, Америку – в новую Европу, то давайте уж сразу доверим судьбы наших стран европейцам. Они знают, как это сделать, – знают лучше, чем даже самые талантливые из нас.

Но если мы хотим, чтобы человечество сделало хотя бы небольшой шаг вперед, если мы хотим достичь иного уровня, чем продемонстрированный Европой, нам необходимы свои изобретения, нам необходимы свои открытия.

Если мы хотим соответствовать ожиданиям наших народов, нам необходимо отвернуть свой взор от Европы.

Более того, если мы хотим ответить ожиданиям Европы, мы не должны представлять им отражение – пусть даже идеальное отражение – их общества и их мысли, от которой они и сами время от времени безумно устают.

Товарищи! Для Европы, для нас самих и для человечества нам нужно нарастить новую кожу, развить новые идеи, попытаться проложить путь для нового человека.

Франц Фанон. Проклятьем заклейменные (*Les Damnés de la terre*), 1961

В отличие от классического европейца, африканский чернокожий не противопоставляет себя объекту, он не выдерживает дистанцию, не рассматривает объект, не анализирует его. Он касается его, осязает, чувствует.

Леопольд Седар Сенгор. Выступление на конгрессе Национального союза молодежи Мали (*Au Congrès de l'union nationale de la jeunesse du Mali*), 1960

Несмотря на часто повторяющийся, иногда весьма радикальный мотив противопоставления Европы и ее (бывших) колоний в работах ранних представителей постколониальной мысли, Ашиль Мбембе подчеркивает, что ее «нельзя считать антиевропейским направлением», поскольку она «не ограничивается критикой гуманизма и европейского универсализма, а ставит перед собой задачу открыть дискуссию о возможности *политики схожего*, основным условием которой является признание Другого и его отличительных особенностей. <...> Это философия *бытия объекта, бытия-для-себя*, образа мысли, преодолевающего диалектику господина и раба, колониста и колонизованного. <...> Нет „внутреннего“, оторванного от „внешнего“, и нет прошлого, оторванного от настоящего. Есть время соприкосновения с Другим, которое постоянно разворачивается, при этом основной характеристикой является не расщепление, а слияние, стяжение, соединение».

Ведущим проповедником такого «слияния, стяжения, соединения», сторонником непротивопоставления колонии и метрополии выступил Глиссан, главной задачей и в каком-то смысле делом всей жизни которого стал поиск, формулировка и разработка идеи, которую можно было бы *противопоставить* такому противопоставлению, при этом интегрировав его в себя. Эта идея была им воплощена в концепции *Отношения*.

Первым настоящим успехом Глиссана стала публикация романа «Река Лезард» (*La Lézarde*, 1958) – разыгрывающейся на фоне пейзажей Мартиники политической драмы, основным событием которой становится убийство представителя колониальной власти, организованное группой молодых революционеров и совершенное руками случайно примкнувшего к ним Таэля. Роман получил престижную премию Теофраста Ренодо; одна из центральных его идей – неэффективность насилия в колониальном контексте. «Бескомпромиссное восстание» не вполне осознающего происходящее Таэля, вставшего на службу радикальной молодежи, в финале книги находит параллель в «восстании» его же сторожевых собак, сорвавшихся с привязи и загрызших его возлюбленную. Глиссан здесь подспудно полемизирует с Мемми: победа над империалистическим злом не достигается злом антиимпериалистическим – для истинного (внутреннего) освобождения колонизованного необходимы иные методы. Какие же?

Первую половину 1960-х годов Глиссан провел в Париже, фактически сосланный туда, будучи обвиненным в покушении на государственный суверенитет Франции – по делу созданного им совместно с Альбером Бевилем и другими единомышленниками «Антильско-гвианского фронта за автономию» (*Front des Antillais et Guyanais pour l'autonomie*). Там писатель переосмыслил свой подход к реализации антиколониальной программы и принял решение отстраниться от активного участия в политике, сосредоточившись на просветительской деятельности.

Этот новый подход воплощен в романе «Четвертый век» (*Le Quatrième siècle*, 1964). С формальной точки зрения основная сюжетная линия – многовековая история семей двух чернокожих, в XVIII веке привезенных на Мартинику: семьи Бэлюз – потомков плантационного раба, и семьи Лонгуэ – потомков скрывшегося в горах беглеца. В действительности же главный герой – Мартиника, тогда как семейная сага, скорее, служит фоном для ее «портрета». Цель автора – не только представить читателю историю острова и сложные переплетения судеб его обитателей, но и – возможно, в первую очередь – как можно ближе познакомить его средствами поэтического языка с природой и городской жизнью Антиль, как можно доступнее дать ему понять, что речь идет не просто об одном из «заморских департаментов» Франции, а о самобытном регионе, по-настоящему открыть который еще предстоит – не только сторонним наблюдателям, но и местным жителям.

Вернувшись в Фор-де-Франс в 1965 году, Глиссан принимается за осуществление обозначенного в «Четвертом веке» просветительского плана в реальной жизни и создает школу –

Институт изучения Мартиники (*Institut martiniquais d'études*), где вместо зазубривания абсурдных фактов о «галльских предках» антильцев, которое высмеивал еще Фанон, молодежь погружалась в словесность, историю, географию, флору и фауну острова, устраивала театральные представления и философские диспуты.

Помимо общественной деятельности, Глиссан продолжает разрабатывать свои философские воззрения. Вторым томом серии «Поэтика» становится «Поэтическая интенция» (*L'Intention poétique. Poétique II*, 1969) – первая в истории франкоязычной литературы книга по теории поэзии, написанная чернокожим выходцем из колоний. Филологическое в ней неразрывно связано с социальным: Глиссан в свойственной ему манере пытается определить связи и выстроить диалог между поэтическим (метрополией) и политическим (колонией). Здесь же он в каком-то смысле формирует свой личный «канон» поэтов и писателей, к творчеству которых еще не раз будет возвращаться. В этот канон вошли как представители испано- и англоязычной словесности (Алехо Карпентьер, Джеймс Джойс, Уильям Фолкнер), так и франкофонные авторы (Сен-Жон Перс, Эме Сезер, Артюр Рембо, Стефан Малларме, Шарль Бодлер, Виктор Гюго). В языке, в метафорических деталях, в стилистических оттенках Глиссан, по наблюдению Юга Азерада, нащупывает разрывы и сближения между исследуемыми им мирами: «Так, например, „Я Другого“ [название раздела книги. – Д. Т.] обозначает как позицию Глиссана по отношению к чисто французской традиции (к закрытой идентичности „другого“, каким является для него французское „я“, замкнутое в идентичности „корня“), так и ощущаемую самими французскими поэтами невозможность по-настоящему воспринять „я“ другого, то есть, на сей раз, жителя колонии, к которому никогда не прислушиваются, не относятся серьезно».

Именно в «Поэтической интенции» мы впервые встречаем понятия-образы, ставшие основой философского лексикона Глиссана: непрозрачность (*opacité*), прозрачность (*transparence*) и Отношение (*Relation*).

Вначале нужно уловить в том, что знаешь, самое сокровенное, самое одинокое, чистейшее. <...> Реальность человека, пейзаж человека. (Особенное.) Затем нужно расширить охват до Вселенной – не чего-то, лежащего в основе этой реальности, не чего-то, скрытого в этом пейзаже, а того, что множественно и распространено на все реальности, на все пейзажи, составляющие Единое (*l'Un*). Но Единое – уже не абсолют; для нас сегодня <...> оно есть не что иное, как требование отношения всего со всем. Требование усвоить это отношение.

Эдуар Глиссан. Поэтическая интенция

«Отношение» – не четко выстроенная концепция. Это, скорее, общая идея, образ взаимосвязанности. Сознание, мировосприятие, ощущение. Введя в оборот это понятие во второй книге из цикла «Поэтика», Глиссан не расставался с ним на протяжении десятилетий: последний сборник его эссе, увидевший свет при жизни автора, получил название «Философия Отношения. Поэзия широты» (*Philosophie de la Relation. Poésie en étendue*, 2009). Определения (или, точнее, описания) Отношения от книги к книге менялись, обретая всё новые значения и оттенки. Но было бы неверным предположить, что каждое последующее описание заменяло или уточняло предыдущее – напротив, все они представляют различные аспекты Отношения. В каком-то смысле неоднородность и взаимосвязанность этих описаний являются лучшей иллюстрацией Отношения и объектно-субъектных связей, осуществляющихся в его рамках. В третьей книге серии – «Поэтике Отношения» (*Poétique de la Relation. Poétique III*, 1990) – Глиссан представляет его как оптику и вместе с тем как действие, которое «соотносит (связывает), сообщает» все элементы нашего мира. Мозес Мерц резюмирует характеристики Отношения, формулируемые Глиссаном на протяжении сорока лет, следующим образом:

Отношение действует на нескольких уровнях, будучи свойственно как отдельным индивидам, так и целым коллективам; действует в пространственном, временном, видимом и невидимом.

димом измерениях. Оно – восприятие и познание всех возможных «других» (животных, растений, культур, личностей...); его цель – выйти за рамки установленных привычных категорий социологического анализа и открыться буре сложных, противоречивых сплетений, создающих ощущение головокружения, выраженное Глиссаном в «Философии Отношения»: «Отношение – это осознание всего множества различий, без исключения и без пренебрежения хотя бы одним из них». <...> Осознанное Отношение позволяет людям сближаться и находить общий язык друг с другом. На коллективном же уровне оно позволяет политическим сообществам, культурам и цивилизациям осмыслять самих себя не как монолитную данность, но как явления, создающиеся в результате взаимодействия разнонаправленных сил, а также – взаимодействия со своей окружающей средой (в самом широком смысле этого слова).

Мозес Мерц. Политика Отношения Эдуара Глиссана (*Édouard Glissant's Politics of Relation*), 2020

Таким образом, в отличие от Сезера, разрабатывавшего концепцию негритюда как гомогенного мира чернокожих (прежде всего африканцев), противопоставленного столь же гомогенному миру белых, а также от Фанона, пришедшего к убеждению, что колониальные противоречия могут быть разрешены только революционным путем, Глиссан предлагает более сосредоточенное, осторожное и чуткое, в некоторых аспектах – даже христианское видение мира. Поскольку через призму Отношения каждый – как я, так и Другой – предстает в первую очередь не как представитель той или иной группы, а как личность в своем непрерывном развитии и становлении. Если для Диопа (бывший) колонизатор (бывшему) колонизованному – враг, то для Глиссана он прежде всего Человек. Не набор заранее заданных характеристик, а объект вдумчивого интереса, который, впрочем, никогда не может быть изучен в полной мере, поскольку обладает свойством «непрозрачности».

...непрозрачность <...> означает не замыкание в непроницаемой автаркии, а саморазвитие в нередуцируемой единичности. Непрозрачности могут сосуществовать и сливаться, сплетаясь в ткани, понимание которых должно быть направлено на их текстуру, а не на природу их компонентов.

Наст. изд., с. 257

Интерпретируя непрозрачность как этико-политическую категорию, Девария Сривастава констатирует, что она «акцентирует различие как фактор, превосходящий убеждение в нашей способности абсолютного постижения объекта <...> и являет собой отрицание самой возможности ассимиляции Другого путем представления его как чего-то полностью видимого, очевидного». Примечательно при этом, что понятие «прозрачности», нередко сопровождающее у Глиссана «непрозрачность», предстает не прямой противоположностью последней, а «воображаемой картиной Отношения, которая предчувствовала его непредсказуемые вихри давным-давно» (наст. изд., с. 117). Согласно сжато определению Сриваставы, «прозрачность» – это «способ <...> понять и принять Другого, содержащий в себе риск проекции на него своих собственных представлений». Можно сказать, что связи Отношения как постоянного движения и становления, исключающего четкое, бескомпромиссное разграничение и ограничение, формируются в творчестве Глиссана в том числе и между понятиями-образами, обладающими антиномическим потенциалом, который оказывается преодолен собственно посредством Отношения. Поскольку Отношение не (только) против-поставляет, но (и) со-поставляет.

Говоря о Глиссане, никогда не стоит забывать о тесной связи между его инициативами и произведениями. Образы и концепции, уходящие корнями в поэзию, глубже и детальнее раскрывались им в философских эссе, реализовывались в общественной деятельности, определяли структуру и язык его романов. В каком-то смысле было бы неточно описывать Глиссана как мыслителя, поэта, активиста, романиста через запятую. Его идеи и подходы часто

настолько переплетены, что вернее было бы назвать его мыслителем-поэтом-активистом-романистом – слитно.

Это слияние как нельзя более ярко проявляется в книге «Трагически погибший» (*Malemort*, 1975), опубликованной через несколько лет после «Поэтической интенции». На первом плане роман рассказывает историю трех поденных рабочих – Длана, Меделлуса и Силасье, – описывая через нее реалии развивающейся Мартиники. Однако пересказу эта история не поддается. Временные и пространственные планы, постоянно перетекающие друг в друга, сложные мысленные и языковые конструкции не позволяют читателю целиком погрузиться в сюжет, понять «трагически погибших» заживо антильцев, таким образом превращая произведение в текстовое воплощение «непрозрачности»:

Объединить воды земли и общины. Воду реки – с водой источника. Раки – на завтрак, черную рыбу – в пятницу. Клеть-ловушка, изготовленная для общины. Купель. Фонтан Возрождения.

Эдуар Глиссан. Трагически погибшие

В 1976 году Глиссан отправляется на Карибский фестиваль искусств на Ямайку, где происходит еще одно судьбоносное знакомство – с поэтом из Сент-Люсии Дерекотом Уолкоттом. Писатели быстро находят общий язык и общее видение истории и реальности Карибских островов. Их дружба длилась до самой смерти Глиссана, сопровождаясь неожиданными совпадениями, самым ярким из которых можно считать их одновременную номинацию на Нобелевскую премию по литературе в 1992 году, в результате присужденную Уолкотту. Представление Уолкотта о себе (и, соответственно, о каждом жителе Кариб) как о потомке двух предков, из которых «первый продал меня, второй – купил», его дилемма – «Что выбрать: Африку или любимый английский язык? Предать обоих или воздать им должное?» – словом, попытки принять и осмыслить прошлое, настоящее и себя в нем не в разделении, а в сочетании оказались невероятно близки Глиссану. А близкие по духу люди нередко в той или иной форме проникали в его книги. Так, во введении к своему позднему труду «Эстетика I. Новый мировой регион» (*Esthétique I. Une nouvelle région du monde*, 2006) Глиссан работает с образом мартиниканской горы Дьяман, с которой открывается вид на Сент-Люсию, символом их «непреодолимой близости» с Уолкоттом. В расположенном неподалеку от этой горы городке писатель и будет похоронен. Отнюдь не случайно «Поэтику Отношения» открывает строка Дерекотта: «Море – это история».

В начале 1980-х годов Глиссан возвращается в Париж, где с 1982 по 1988 год работает главным редактором журнала «Курьер ЮНЕСКО», каждый номер которого имеет центральную тему. Несмотря на ряд формальных ограничений, связанных с должностью, писатель и здесь со свойственной ему последовательностью акцентирует принципиальные для него проблемы сосуществования колонизаторов и колонизованных (ноябрь 1983, тема номера: «Расизм. Свободу Нельсону Манделе!»), философии и поэзии в бывших европейских колониях (февраль 1985, тема номера: «Хорхе Луис Борхес. Память человечества») и, безусловно, природы, чьим сердцем является не что иное, как океан (март 1986, тема номера: «Голубая планета Океан»):

Питаемый энергией Солнца, океан представляет собой «земную теплоцентраль», источник всей жизни, гигантский теплообменник, определяющий климат нашей планеты, кладовую питательных веществ, природных ископаемых и энергетических ресурсов. По нему пролегают пути самого дешевого и экономичного транспорта, а его вечно меняющаяся красота всегда доставляет человеку радость и наслаждение.

Эдуар Глиссан. Курьер ЮНЕСКО. Март 1986. От главной редакции в Париже

Иной – тяжелый, давящий – образ океана-моря предстает читателю в изданном в те же годы сборнике эссе «Антильский дискурс» (*Le Discours antillais*, 1981) – одной из самых остро-социальных книг писателя. «Мы, жители Кариб, – пишет Глиссан, – представляем собой лишь

череду взаимоотношений <...>, но чувствуем море внутри нас со всем его грузом вновь открытых островов». Комментатор книги Майкл Дэш говорит об «Антильском дискурсе» как об истории (или, пользуясь термином Глиссана, «не-истории») психического разложения Мартиники, состоящей из череды «упущенных возможностей». Писатель повествует о колонизации, лишившей мартиниканцев своей исходной родины, языка и идентичности и превратившей их в абсолютного «Другого, явленного миру». При этом, как отмечает Дэш, он не рассматривает островитян исключительно в качестве жертв, обращая внимание, что ответственность за экономические проблемы, социальное отчуждение и неспособность вырастить собственную интеллектуальную элиту не в последнюю очередь кроется в патологической психологической зависимости мартиниканцев от метрополии.

«Антильский дискурс» продолжает поэтическое исследование души и природы Карибских островов. Чтобы постичь весь архипелаг, необходимо постичь каждый остров в отдельности, нащупать историческую и сиюминутную взаимосвязь между ними – скрытую, невидимую структуру Отношения, в которой каждая деталь является незаменимой и необъяснимой, так что ее можно только «услышать». Именно из звука и слышания Глиссан предлагает выстроить новую креольскую идентичность – на основе фольклора, музыки, сказительства и креольского языка.

Вскоре ему представилась уникальная возможность соприкоснуться с представителями компактно проживающего креольского сообщества – сохранившего, несмотря на внешние обстоятельства, ту самую языковую и культурную идентичность, которую, как ему казалось, утратили обитатели Мартиники, – в самом неожиданном месте, среди городков и поселков американской Луизианы, бывшей колонии Франции. Глиссан, в 1987 году занявший должность профессора в Институте французских исследований Луизианского университета, с восторгом писал о «чернокожих франкофонных креолах, живущих в этом регионе и до сих пор сохраняющих (или стремящихся сохранить) особенности своей культуры» настолько бережно, что постороннему «непросто сблизиться с их общиной, так как они всеми силами защищают свой изолированный образ жизни, уходящий корнями в их историю». Таким образом, его представление об «архипелаге колонизованных» вышло не только за пределы Карибских островов, но и за пределы чернокожей Африки в целом. Каждый городок, населенный выходцами из колоний, превращается в часть архипелага – в узкой перспективе. В рамках же перспективы глобальной, позже названной «архипелагическим мышлением», Глиссан, к концу 1980-х годов успевший посетить ряд (бывших) колоний и поработать в странах Старого и Нового Света, приходит к восприятию всякой национальной культуры и – шире – всякого человека как части мирового архипелага, пронизанного ризоматическими связями.

Третья книга цикла «Поэтика» – «Поэтика Отношения» – вышла в свет в 1990 году. В ней сконцентрирован весь опыт писателя, все его идеи, все подходы и приемы, в ней переплетены события и явления самого широкого диапазона – от натуралистического описания «открытых ран, кишасих вшей, распластанных трупов», заживо гниющих рабов, перевозимых из Африки в колонии, до анализа концепций Единого в мифе, эпосе и священных текстах. Рассуждая о возможной роли эпоса и трагедии сегодня, Глиссан утверждает, что они «могли бы воззвать к восстановлению самобытности наций, к признанию непрозрачности – только уже не замкнутой в себе непрозрачности – каждой культуры и одновременно вообразить прозрачность их отношений. <...> они могли бы выражать политическое сознание <...>, освободившееся от гражданского иступления; они могли бы служить основой лиризма, который сплавливал бы устное и письменное слово и тем самым позволял бы общинному связующему, не самоустраняясь, <...> вести нас к тотальности без отречения от частного» (наст. изд., с. 108). В этой характеристике, впрочем, можно заметить некоторое лукавство, поскольку все перечисленные задачи, которые автор приписывает гипотетическим «эпосу и трагедии сегодняшнего дня», реализуются им же непосредственно в «Поэтике Отношения». По наблюдению Констанс Фьюри, мы, исходя из

определений, данных самим писателем, можем интерпретировать этот труд как основополагающий текст, в котором миф о «сотворении карибского мира» и становлении антильской общности, открывающий работу, постепенно приобретает масштаб метафоры сотворения современного мира как такового и формирования новых социальных связей.

В центре описываемой Глиссаном трагедии прошлого – нарушение общественной родословной, в результате которой община теряет цель, ориентиры и смысл; трагическое же действие – «разбор раздора: поиск (и восстановление) легитимности». Если в предыдущем своем творчестве – в прозе, поэзии, философских эссе – Глиссан был сосредоточен прежде всего на констатации таких раздоров и обсуждал их конкретные решения (что ярко проявляется, например, в «Антильском дискурсе»), то «Поэтика Отношения», охватывая самый широкий круг проблем, предлагает подход, способный помочь залатать (любые) разрывы в мировой ткани. «Поэтику Отношения» саму по себе можно рассматривать как трагическое действие нового типа, в результате которого «на смену разбору раздора» приходит «сбор россыпи». Каковы его этапы?

Часть первая – «Подходы». Она задает тон всей книге. За оптимистическим заголовком первого же раздела – «Открытая лодка» – сразу же следует контрастное, мрачное описание беспросветного, замкнутого, безвыходного трюма невольничьего судна. Бездна – между рабами и работорговцами, между их предками и потомками, между кораблем и сушей, между водной гладью и дном океана. И тем не менее Глиссан по ходу текста «выворачивает наизнанку» образ бездны как ужаса и осмысляет ее как матку, в которой отливается новое восприятие мира, «сознание Целого, вырастающее из взаимодействия с бездной и освобождающее понимание Отношения внутри этого Целого». Фрагменты этого мира, некогда разорванные бездной, сближаются, если увидеть в бездне Отношение. Глава «Странствие, изгнание» вводит уже упоминавшееся понятие ризомы, восходящее к работам Жюль Делёза и Феликса Гваттари, – «разветвленной системы корней, расползающихся сетью по земле или по воздуху», образ которой, как пишет Глиссан, лежит в основе поэтики Отношения, «в которой всякая идентичность расширяется через связь с Другим» (наст. изд., с. 56). И вновь, начиная с рассмотрения противоположных явлений, – стрелового и кругового номадизма, вынужденного изгнания и добровольного странствия, – он в итоге пытается взаимо-связать их, заставить каждое увидеть в другом – Другого, предлагая в качестве формулы, преодолевающей разобщенность, «странническое мышление», которое «предусматривает тотальность, но без колебаний отказывается от притязания ее суммировать и ею овладеть». Не давая четкого определения Отношению, Глиссан, таким образом, уже на первых страницах книги на неожиданных исторических примерах демонстрирует читателю, как смотреть на мир с помощью оптики Отношения, как сделать Отношение образом мысли – или даже образом жизни.

Часть вторая – «Элементы». Элементы становления общества, формирования культуры, развития Отношения. Архипелагическое видение мира применяется здесь Глиссаном как к миру Плантаций (в уже привычном ключе), так и к миру письменности и искусства – барокко и Античности, священных текстов и литературы XX века. Всё так или иначе связывается со всем, ризома расползается, привнося «взаимообогащение, метисаж» культур. «Бытие-в-мире – ничто без количественно выраженной совокупности всех видов бытия-в-обществе» (наст. изд., с. 137). Сколь бы ни были далеки друг от друга элементы этого бытия, ни один из них не может быть забыт или исключен. Мир по Глиссану – их «нерасторжимая цепь».

Часть третья – «Пути». В ней Глиссан ставит под вопрос меру порядка, возведенную в ранг приоритета научной философией, и идею стабильности в целом (не потому ли и введенные им понятия имеют столь флюидный характер?). «Единственные устойчивые свойства, наблюдаемые в рамках Отношения, – пишет он, – это взаимосвязанность происходящих в нем циклических процессов и согласованность контуров их движения» (наст. изд., с. 150). Мир не статичен, не центробежен, он не движется по прямому пути, каждый язык в нем, каждый голос

– мир-отголосок, обладающий характеристиками (мир-)порядка и (мир-)хаоса, со-бытие (а не против-поставление) которых обеспечивает в нем равновесие и постоянство.

Часть четвертая – «Теории». В ее центре – наука, идеологии, идентичность. Науку покорения материи и науку ее внимательного исследования Глиссан сравнивает со стреловым и круговым номадизмом (и таким образом связывает через Отношение разрозненные разделы внутри самой книги), утверждая как конечный результат их обеих поэтику, основную опасность для которой представляет насилие – моды, общих мест и тоталитарности. В качестве же конструктивного протеста против идеологии тоталитарной стандартизации он (исходя из опыта мартиниканцев) предлагает альтернативный подход к идентичности не как к «постоянной величине», а как к «переменной – способности к изменению, управляемому или безудержному» (наст. изд., с. 205).

Часть пятая – «Поэтика». Если Отношение – инструмент разбора раздора мира, то ее стержень – тотальность, ее механизм – воображаемое. Воображаемое – антидот против власти насилия и лицемерия – против исторической закоснелости и лжи современности. «Если воображаемое переносит нас из мысли нашего мира в мысль Вселенной, мы можем представить себе и как обратным путем эстетика, с помощью которой мы конкретизируем наше воображаемое, всегда возвращает нас из бесконечности Вселенной в очертимые поэтики нашего мира» (наст. изд., с. 274).

Идея тотальности получила у Глиссана развитие в виде образа Все-Мира (Tout-Monde). Впервые использованный в романе «Красное дерево» (*Mahagony*, 1987), он чуть позже был концептуализирован в наиболее, пожалуй, сложном для описания произведении писателя – «Все-Мире» (*Tout-Monde*, 1993), первом в его библиографии художественном тексте, действие которого происходит не на Мартинике. Этот роман – запутанный клубок событий и голосов, все нити которого ведут читателя к пониманию: «Наш мир – это еще не Все-Мир, поскольку Все-Мир – этот тот мир, который ты перекачивал в своих представлениях, пока он перекачивал тебя на своих волнах». Отдельные фрагменты романа Глиссан позже переработал в эссе, включенные в сборник «Трактат о Все-Мире» (*Poétique IV. Traité du Tout-Monde*, 1997), а к определению Все-Мира вернулся в «Бухте Ле-Ламантена», завершающей цикл «Поэтика»: «Все-Мир – это осмысленная тотальность всех элементов Вселенной, каждый из которых мы ощущаем как бесконечно важный». Все-Мир – это тотальность в своей сиюминутно постигаемой полноте, осознающая, что полнота абсолютная не будет достигнута никогда, – и так же осознаваемая. Сплав реальности внешнего мира и ее восприятия. Направление и цель Отношения. Непрерывно завершаемая завершенность, работу над конструкцией которой Глиссан, создав в 2006 году культурную инициативу «Институт Все-Мира» (*L'Institut du Tout-Monde*), напрямую доверил любому, кто разделяет его видение; любому, кто, если вспомнить слова Сенгора, «не выдерживает дистанцию» по отношению к миру, а «касается его, осязает, чувствует».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.